

Нарцисса молча смотрела на него секунду за секундой, три секунды подряд, а затем медленно отдернула руку, подняла волшебную палочку и направила ее на лоб Люциуса:

— Ты уверен?

— Уверен.

— Я могу увидеть то, чего ты не хочешь мне показывать.

Люциус расслабленно улыбнулся и с предельной искренностью произнес:

— Больше нет ничего такого, чего ты не могла бы увидеть.

Нарцисса слегка поджала губы, глубоко вздохнула и тихо произнесла заклинание:

— Легилименция.

Мир перед глазами Люциуса на мгновение расплылся.

Он почувствовал, как в его сознание проскользнуло легкое, невесомое осознание.

Словно легчайшая рука перелистывала страницы книги. Это касание скользило по самым разным уголкам памяти: детство Драко, Нарцисса, повседневная жизнь в Малфой-меноре — всё это отзывалось теплым, слабым сиянием. Затем эта рука двинулась дальше, проникая еще глубже.

Люциус расслабил разум, убрал все защитные барьеры и позволил воспоминаниям о прошлой жизни выйти на поверхность:

Драко, едва не пораженный зеленым лучом у ворот имения, как он сам бросился вперед, чтобы заслонить сына, падение, железные прутья Азкабана, приговор в зале суда... Он позволил этим образам выстроиться в ряд, подобно раскрытым страницам.

Но это чужое сознание намертво застыло перед невидимой стеной.

Волшебная палочка Нарциссы замерла в воздухе, ее брови сходились всё ближе. Люциус видел, как её зрачки быстро двигаются — она пыталась искать, изо всех сил старалась заглянуть внутрь, отчаянно пытаясь за что-то уцепиться.

— Я... — голос Нарциссы охрип. Она опустила волшебную палочку, ее дыхание стало частым. — Я ничего не вижу, Люциус. Я видела твоё детство, видела нас в Хогвартсе, видела рождение

Драко, но всё, что было после... абсолютно ничего.

Его жена в упор смотрела на него, и растерянность в ее глазах была сильнее прежней — настолько сильная, что почти переходила в тревогу:

— Я проникла очень глубоко, я знаю, что там что-то есть, но когда протягиваю руку — там пустота. Протягиваю руку, чтобы коснуться, но не могу ухватить ни единой детали.

Нарцисса почувствовала, что «что-то есть», но ее Легилименция была полностью остановлена барьером.

Всё, что она могла увидеть — это прожитые дни и уже свершившиеся события нынешней жизни. Любой опыт, любой образ, каждое слово из прошлой жизни были отгорожены преградой, воздвигнутой самой судьбой.

Люциус понял, что разгадал полное правило оков перерождения: воспоминания могут храниться лишь в его собственной голове, мыслить о них изнутри не запрещено ничем, но все каналы выхода наружу наглухо замурованы.

Устный рассказ не может стать явью, ментальное сканирование не способно пробиться сквозь преграду, и даже если он попытается записать всё на бумаге, буквы автоматически превратятся в пустые, бессмысленные каракули.

Это тяжелое прошлое, перешагнувшее границу жизни и смерти, он вынужден нести в одиночку.

Плечи Люциуса внезапно отяжелели: все пути к переписыванию будущего придется прокладывать в одиночку, искупая те бедствия, которые он когда-то посеял собственными руками.

— Люк? — голос Нарциссы донесся до него со стороны, в нем отчетливо слышалось беспокойство. — У тебя неважный вид.

Люциус поднял взгляд на жену. Она стояла перед ним, ее волосы слегка растрепались, а пристальный взгляд был прикован к нему — она молча ждала ответа.

— Всё в порядке, — Люциус подавил бурю эмоций, поднявшуюся внутри. — Я просто кое в чем убедился.

— В чем?

— Драко обязательно поправится.

Нарцисса долго смотрела на него, не став допытываться и не спрашивая в духе от чего ты от меня что-то скрываешь. Она просто кивнула, а затем перевела взгляд обратно на Драко.

Люциус тоже посмотрел на сына. В прошлой жизни, когда Драко исполнилось одиннадцать, он непрерывно взваливал на детские плечи всё новые тяготы, никогда даже не спрашивая, хочет ли сын их нести, искренне считая, что так и должно быть.

В этой жизни он ни за что не повторит прежних ошибок.

Он вылечит Драко, он защитит Нарциссу, он полностью вырвет семью Малфой из топи Волан-де-Морта.

Волан-де-Морт вернется, война тоже придет, и то, чему он когда-то служил, снова одно за другим предстанет перед ним, но в этот раз он встанет по другую сторону.

Я столько всего совершил в прошлом, поклялся он в тишине собственного сердца, и каждый поступок лишь отдалял от меня семью. Мой сын, моя жена, мой род — все они пострадали из-за меня. Я потратил почти полвека на погоню за тем, за чем гоняться не стоило. На этот раз время снова в моих руках, и я всё исправлю.

Нарцисса протянула руку и накрыла своей ладонью его руку, лежавшую тыльной стороной на лбу Драко.

Между ними двумя лежал погруженный в сон ребенок. За окном снова прохаживался белый павлин; он остановился на подоконнике и, склонив голову, заглянул в комнату.

В этот момент в дверь постучали.

Несколько стуков — не тяжелых, но четких, в ритме три длинных, два коротких: это был принятый в Малфой-меноре тайный знак для своих.

Люциус и Нарцисса одновременно подняли головы.

Из-за двери донесся голос — низкий, нетерпеливый, но в то же время скрывающий капельку тревоги:

— Люциус, уже восемь часов, я пришел проверить состояние Драко.

Это был Снегг.

Когда дверь отворилась, в комнату хлынула волна запаха зелий.

Полынь, корень валерианы, какая-то обожженная огнем чешуя дракона — от Снегга всегда пахло именно так: холодом, терпкостью, словно от старой железной шкатулки, слишком долго простоявшей в глубине аптекарского шкафа.

Он по-прежнему был облачен в темно-черную мантию, подол которой был слегка испачкан серовато-белым порошком — видимо, он провел всю ночь в лаборатории в восточном крыле и даже не успел стряхнуть пыльцу.

Он вошел ровной поступью, но Люциус заметил, что в самый миг пересечения порога взгляд Снегга скользнул мимо убранства комнаты, мимо Нарциссы и Люциуса, и безошибочно, снайперской точностью уперся в Драко.

Люциус и Нарцисса поднялись, отступив на полшага от края кровати, чтобы Снегг мог подойти к мальчику.

<http://bllate.org/book/21194/2145665>